

А. А. Златопольская*

ПОЛЕМИКА ВОЛЬТЕРА И РУССО О РОЛИ РЕФОРМ ПЕТРА I В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ И ОТРАЖЕНИЕ ЭТОЙ ПОЛЕМИКИ В РУССКОЙ МЫСЛИ**

В статье исследуется полемика Вольтера и Руссо по поводу реформ Петра I, восприятие в России XVIII–XX вв. знаменитого высказывания Жан-Жака Руссо из «Общественного договора» об историческом развитии России, его предсказания о том, что Россия и Европа будут завоеваны степными народами (татарами). Показывается, что русские мыслители XVIII в. были в этой полемике на стороне Вольтера. Они полагали, что Россия является частью Европы и Петр заставлял ее принять общечеловеческие ценности, отказаться от отживших обычаев. В XIX в. русские мыслители подчеркивали, что содержание культуры национально, что ошибкой Петра было заимствование у иностранцев не только общечеловеческого, но и частного, национального. Осуждался деспотизм Петра, его насильственные методы. В то же время русские мыслители отрицательно относились к предсказаниям Руссо. Показывается, что высказывание Руссо имело отклик и в недавнее время, на рубеже XX и XXI вв.

Ключевые слова: Ж.-Ж. Руссо, Вольтер, Петр I, реформы Петра I, русская мысль, судьба России, историческое развитие России.

A. A. Zlatopolskaya

VOLTAIRE AND ROUSSEAU'S POLEMIC ON THE ROLE OF PETER I'S REFORMS IN THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF RUSSIA AND THE REFLECTION OF THIS POLEMIC IN RUSSIAN THOUGHT

The article examines the controversy between Voltaire and Rousseau over the reforms of Peter I, the perception in Russia of the XVIII–XX centuries of the famous statement of

---

* Златопольская Алла Августовна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Российская национальная библиотека; azlatopolskaia@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–42008 «Петр Великий: pro et contra. Личность и реформы Петра Великого в философско-культурологической и политологической рефлексии. Российский опыт и зарубежные контексты».

Jean-Jacques Rousseau from the “Social contract” about the historical development of Russia, his predictions that Russia and Europe will be conquered by the steppe peoples (Tatars). It is shown that the Russian thinkers of the XVIII century were on the side of Voltaire in this polemic, they believed that Russia is part of Europe and Peter forced to accept universal values, to abandon obsolete customs. In the nineteenth century, Russian thinkers emphasized that the content of culture is national, that Peter’s mistake was to borrow from foreigners not only universal, but also private, national. Peter’s despotism and violent methods were condemned. At the same time, Russian thinkers had a negative attitude to Rousseau’s predictions. It is shown that Rousseau’s statement had a response in recent times, at the turn of the XX and XXI centuries.

Keywords: J.-J. Rousseau, Voltaire, Peter I, Peter I’s reforms, Russian thought, the fate of Russia, historical development of Russia.

Руссо, в отличие от Вольтера и Дидро, не встречался и не переписывался с Екатериной II и вообще мало писал о России, однако его высказывание о деятельности Петра I и в связи с этим о будущем России и Европы привлекало внимание русских мыслителей на протяжении XVIII, XIX и даже XX вв.

Речь идет о следующем высказывании Руссо:

Юность — не детство. У народов, как и у людей, существует пора юности или, если хотите, зрелости, которой следует дожидаться, прежде чем подчинять их законам. Но наступление зрелости у народа не всегда легко распознать; если же ввести законы преждевременно, то весь труд пропал. Один народ восприимчив уже от рождения, другой не становится таковым и по прошествии десяти веков. Русские никогда не станут истинно цивилизованными, т. к. они подверглись цивилизации чересчур рано. Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создает все из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту. Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества. Он хотел сразу просветить и благоустроить свой народ, в то время как его надо было еще приучать к трудностям этого. Он хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских. Он помешал своим подданным стать когда-нибудь тем, чем они могли бы стать, убедив их, что они были тем, чем они не являются. Так наставник-француз воспитывает своего питомца, чтобы тот блистал в детстве, а затем навсегда остался ничтожеством [7, с. 183].

Данное высказывание, как и весь «Общественный договор» Руссо, вызвало полемические отклики Вольтера. Необходимо отметить, что реакция Вольтера и Екатерины II на «Общественный договор» проанализирована Н. А. Копаневым в его предисловии к фототипическому изданию «Общественного договора» с пометами Вольтера. Я здесь использую данную работу Н. А. Копанева [14].

В частности Николай Александрович обратил мое внимание на маргиналию Вольтера на полях этого отрывка из «Общественного договора» Руссо «Polisson, il te sied bien de faire de telles prédictions!» (Негодяй, тебе к лицу такие предсказания) Н. А. Копанев отмечает также, что Вольтер анализирует данные слова Руссо в письме к Пикте, в статье «Петр Великий и Жан-Жак Руссо» из «Философского словаря». Надо указать, что Вольтер анализирует их также в своих «Республиканских идеях».

«Что касается Жан-Жака, бывшего гражданина Женевы, я думаю, что у него закружилась голова, когда он пророчествовал против установлений Петра Великого», — пишет Вольтер 4 июля 1763 года в письме к Пикте [15, р. 297].

Вольтер писал также об этом предсказании в «Историческом и критическом введении», помещенном в издании 1775 года «Истории Российской империи при Петре Великом»:

Эта странная мания, мания негодяя, который говорит как хозяин с государями и предсказывает неизбежное падение империй в будущем. Удивительный прогресс императрицы Екатерины II и русского народа является достаточно сильным доказательством, что Петр Великий строил на твердом и долговременном фундаменте [17, р. 385].

Полемика Вольтера и Руссо, оценка деятельности Петра I Руссо сразу же нашли отклик в России. Уже в статье «Петр Великий и Жан-Жак Руссо» Вольтер говорит об отрицательной реакции одного из русских («*Homme de beaucoup d'esprit*», «весьма умного человека») на эту оценку [16, р. 219–220].

Екатерина II полностью стала на сторону Вольтера в его полемике с Руссо. Еще в сентябре 1763 г. в одном из своих первых писем к Вольтеру она заметила: «Я отвечу на предсказание Жан-Жака Руссо, давая ему, доколе буду жива, очень невежливое опровержение» [12, р. 40]. Для Екатерины Петр I является великим человеком.

Екатерина спорит и с мнением аббата Шаппа д'Отероша. Аббат Шапп, описывая свое путешествие по России, сослался на Руссо, с которым был солидарен в своем видении будущего России:

Этот народ без гения и воображения вообще явится весьма отличным во многих отношениях от того, который существует, чтобы наслаждаться свободой. Но пойдет ли он далеко? Я не знаю этого. Может быть нужно желать, если верить господину Руссо из Женевы, чтобы этот народ не был никогда цивилизован [13, р. 224].

Екатерина обратила внимание на это место из книги Шаппа д'Отероша в своем «Антидоте»:

Вопреки ссылке на Руссо, сказавшего, что может быть было бы желательно, чтобы русского народа никогда не коснулось просвещение, и вопреки аббату Шаппу, я решаю, не боясь ошибиться, что он пошел бы и пойдет далеко [9, р. 218–219].

К вопросу о предсказаниях Руссо она возвращается в письме к Вольтеру от 3 марта 1771 г., рассматривая в своей ненависти к Руссо его с не просто как предсказания объективного процесса, а как, направленное именно против нее, как призыв к «духовному крестовому походу»:

У Вас во Франции недавно новый Сен-Бернар проповедовал духовный крестовый поход против меня, хотя, как я думаю, он и сам хорошенько не знал за что. Но этот Сен-Бернар ошибался в своих пророчествах, так же, как и первый: ни одно из предсказаний его не оправдалось; он только ожесточил умы [3, с. 68–69].

В XVIII — начале XIX в., стремясь в Европу, русские мыслители не соглашались с оценкой деятельности Петра I, данной Руссо. Характерна позиция Карамзина, который отмечал в «Письмах русского путешественника»:

Левек, как Писатель, не без дарования, не без достоинств; соображает довольно хорошо, рассказывает довольно складно, судит довольно справедливо; но кисть его слаба, краски не живы; слог правильный, логический, но не быстрый. К тому же Россия не мать ему; не наша кровь течет в его жилах; может ли он говорить о Русских с таким чувством, как Руской. Всего же более не люблю его за то, что он унижает Петра Великого (естли посредственный Французский Писатель может унижить нашего славного Монарха), говоря: *on lui a peut-être refusé avec raison le titre d'homme de Génie, puisque, en voulant former sa nation, il n'a su qu'imiter les autres peuples.* (То есть: «Его, может быть, по справедливости не хотят назвать великим умом: ибо он, желая образовать народ свой, только что подражал другим народам»). Я слышал такое мнение, и никогда не мог слышать без досады. Путь образования или просвещения один для народов; все они идут им в след друг за другом. Иностранцы были умнее Руских: и так надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами. <...> Избирать во всем лучшее, есть действие ума просвещенного; а Петр Великий хотел просветить ум во всех отношениях. Монарх объявил войну нашим старинным обыкновениям во первых для того, что они были грубы, недостойны своего века; во вторых и для того, что они препятствовали введению других, еще важнейших и полезнейших иностранных новостей. Надлежало, так сказать, свернуть голову закоренелому Рускому упрямству, чтобы сделать нас гибкими, способными учиться и перенимать... Немцы, Французы, Англичане, были впереди Руских по крайней мере шестью веками: Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их. Все жалкия Иеремиады об изменении Руского характера, о потере Руской нравственной физиогномии, или не что иное как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении <...> Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей не может быть дурно для Руских; и что Англичане или Немцы изобрели для пользы или выгоды человека, то мое, ибо я человек [4, с. 253–254].

Как писал Ю. М. Лотман, данный пассаж направлен не только против Левека, но и против Руссо [5, с. 195].

Однако после Отечественной войны 1812 г. акценты изменились, и речь начала идти о том, что Россия является Европой, но в то же время имеет право на национальное своеобразие. Характерна позиция члена одной из ранних декабристских организаций А. Н. Улыбышева, который писал в своей утопии «Сон», перефразируя данные слова Руссо и практически во всем с ним соглашаясь:

Проходя по городу, я был поражен костюмами жителей. Они соединяли европейское изящество с азиатским величием, и при внимательном рассмотрении я узнал русский кафтан с некоторыми изменениями.

— Мне кажется, сказал я своему руководителю, — что Петр Великий велел высшему классу Русского общества носить немецкое платье, — с каких пор вы его сняли?

— С тех пор, как мы стали нацией, — ответил он, с тех пор, как перестав быть рабами, мы более не носим ливреи господина (и далее Улыбышев цитирует Руссо с небольшими изменениями, усиливая «патриотическую составляющую»

слов Руссо. В тоже время он подчеркивает, в отличие от Руссо, то, что Петр являлся деспотом, говоря о революции, свергнувшей монархию. — А. З.) Петр Великий, несмотря на исключительные таланты, обладал скорее гением подражательным, нежели творческим. Заставляя варварский народ принять костюм и нравы иностранцев, он в короткое время дал ему видимость цивилизации. Но эта скороспелая цивилизация была так же далека от истинной, как эфемерное тепличное растение от древнего дуба, взрощенного воздухом, солнцем и долгими годами, как оплот против грозы и памятник вечности. Петр слишком был влюблен в свою славу, чтобы быть всецело патриотом. Он при жизни хотел насладиться развитием, которое могло быть только плодом столетий. Только время создает великих людей во всех отраслях, которые определяют характер нации и намечают путь, которому она должна следовать. Толчок, данный этим властителем, надолго задержал у нас истинные успехи цивилизации... В особенности наши литературные труды несли уже печать упадка, еще не достигнув зрелости, и нашу литературу, как и наши учреждения, можно сравнить с плодом, зеленым с одной стороны и сгнившим с другой... Великие события, разбив наши оковы, вознесли нас на первое место среди народов Европы и оживили также почти угасшую искру нашего народного гения... Нравы, принимая черты все более и более характерные, отличающие свободные народы, породили у нас хорошую комедию, комедию самобытную... Итак только удаляясь от иностранцев, по примеру писателей всех стран, создавших у себя национальную литературу, мы смогли поравняться с ними, и, став их победителями оружием, мы сделали их союзниками по гению [8, с. 173–174].

Не потеряли актуальности мысли Руссо об оценке деятельности Петра I и во второй половине XIX в., когда, казалось, прямое влияние идей французских просветителей кончилось, уступая место влиянию других идейных течений, появились другие проблемы, для которых идеи Руссо больше не были актуальными — борьба западников и славянофилов, социализм.

К оценке деятельности Петра I Руссо обратился Александр Дмитриевич Градовский, русский правовед и государствовед, представитель либерального консерватизма, его можно назвать западником, но в то же время он признавал правоту и обоснованность многих идей славянофилов. Говоря о культуре и цивилизации различных народов, он писал, что общечеловеческими являются внешние условия культуры и цивилизации, содержание же той или иной культуры национально:

Таким образом, общечеловеческим в цивилизации может быть названа совокупность общих, преимущественно внешних условий жизни народа и отдельного человека. Изучение, усвоение этих условий вполне необходимо. Но величайшим заблуждением было бы думать, что изучением и усвоением общечеловеческого в цивилизации исчерпывается задача культурного народа. Напротив, эта работа только приговорительная. За нею начинается настоящая культурная жизнь народа; внешние условия культуры не создают ее содержания. Содержание это вырабатывается или должно вырабатываться самими народами, и в особенностях каждой культуры раскрывается все разнообразное содержание человеческого духа, которого ни один народ своею частною цивилизациею не может исчерпать. Содержание человеческой мысли и духа мы можем видеть только в культурах разных народов [2, с. 242–243].

Градовский отмечает правоту славянофила К. Аксакова, касающуюся его оценки деятельности Петра, и парадоксальное совпадение этой оценки с оценкой, данной Руссо. Градовский цитирует К. Аксакова:

Петр стал принимать все от иностранцев не только полезное и общечеловеческое, но частное, национальное, самую жизнь иностранную, со всеми случайными ее подробностями; он переменял всю систему управления государственного и весь образ жизни; он изменял на иностранный лад русский язык, он принудил переменить самую русскую одежду на одежду иностранную; переломлен был весь строй русской жизни, переиначена была самая система. Таким образом, даже самое полезное, что принимали в России и до Петра, непременно стало не свободным заимствованием, а рабским подражанием. К этому присоединилось еще другое обстоятельство: а именно насилие, неотъемлемая принадлежность действий Петра... [2, с. 244–245]

И затем он отмечает, говоря об оценке К. Аксакова: «Сказать ли, кто в этом отношении подает им руку? Один из знаменитых “общечеловеков” XVIII в., Ж.-Ж. Руссо. Вот что говорит он в своем “Contrat social”» [2, с. 244–245], и далее цитирует размышления Руссо о деятельности Петра I, которые мы приводили выше.

Правда, соглашаясь с оценкой деятельности Петра, русские мыслители XIX в., как и русские мыслители XVIII в., негативно оценивали предсказания Руссо. Так, известный историк Владимир Иванович Герье в работе «Понятие о народе у Руссо» в целом признает правоту Руссо, говорившего, что реформы должны соответствовать историческому возрасту народа. Он полагает, что в данном высказывании имеет место признание общества организмом, что противоречит рационалистической концепции общественного договора у Руссо. Однако он не разделяет отрицательной оценки этих реформ, и в этом не соглашается с женеvским гражданином. И в XVIII, и в XIX в. мыслители или игнорировали, или оценивали отрицательно предсказания Руссо, его размышления о будущем России и Европы. Так, Герье, признающий в целом правоту Руссо, крайне отрицательно относится к его предсказанию, становясь на сторону Вольтера. Герье пересказывает критические, весьма ядовитые высказывания Вольтера по поводу предсказаний Руссо. Он отмечает, что

Вольтер едко глумился над этим предсказанием и сравнил его с пророчествами одного распространенного альманаха Хромого вестника... Эта цитата из Руссо утратила бы свою привлекательность для противников Петра Великого и они отреклись бы от такого союзника, если бы мнение Руссо было бы приведено целиком [1, с. 297].

Необходимо отметить, что Герье допускает неточность в своем пересказе оценки Вольтером данной цитаты Руссо. Речь у Вольтера идет не «об одном распространенном альманахе Хромого вестника», а об «Альманахе хромого вестника» (*L'Almanach du Courrier boiteux*). Это выражение употребляется Вольтером в переносном смысле. Такой альманах не значится в библиографических указателях. В то же время выражение «ждать хромого», восходящее к Корнелю, означает во французском языке ожидание того, что не сбывается

(см. [10, р. 141; 11, р. 366]). Вольтер подчеркивает этим названием несуществующего альманаха, что пророчества Руссо не сбудутся.

Необходимо сказать, что к оценке деятельности Петра I Руссо русские мыслители обращались и совсем недавно, в переломные для страны годы. В частности в 1999 г. известный политолог Леонид Поляков опубликовал статью «Заключение Руссо, или О перспективах политического благоустройства России». Статья посвящена как раз оценке реформ Петра I Руссо и перспективам политического развития России. Пророчеству Руссо относительно завоевания России Поляков не придает значения, он называет его курьезом. Статья Полякова — это скорее фантастические вариации на тему, данную Руссо. Политолог говорит о преемственности власти в России, о чем у Руссо нет ни слова. Леонид Поляков пишет:

В год появления на российском престоле Екатерины, впоследствии оказавшейся Великой Жан-Жак Руссо опубликовал трактат о принципах политического права... в котором содержится такое пророчество «Русский народ всегда останется чуждым настоящему политическому благоустройству, потому что его хотели сделать благоустроенным чересчур рано»... С тех пор Россия словно пребывает под этим заключением Руссо. Екатерина — убийца собственного мужа, императора Петра III — пережила потрясение пугачевщины. Ее сын Павел убит при молчаливом попустительстве собственного сына, ставшего императором Александром I, на которого в свою очередь готовилось покушение и загадочная смерть которого вызвала междоусобицу. Следующий император Николай I вззошел на престол лишь случайно, избежав смерти во время восстания декабристов и покончил самоубийством, не стерпев позора проигранной Крымской войны. Александра II убили-таки с седьмой попытки. Александр III отделался лишь парой покушений и успел умереть своей смертью. Что стало с последним русским императором и его семьей напоминать излишне. Что стало с русским народом с тех пор — излишне тем более. Заканчивается второе тысячелетие, а перед нами все тот же мучительный вопрос: как обеспечить в России цивилизованную преемственность власти [6, с. 21].

Автор статьи, в духе времени, возлагал надежды на президента Ельцина, в настоящее же время он надеется на президента Путина. Таким образом, высказывание Руссо о прошлом и будущем России было актуально и на рубеже XX–XXI вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герье В. И. Понятие о народе у Руссо // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. — СПб., 2005. — С. 281–362.
2. Градовский А. Д. Национальный вопрос в истории и литературе. — СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1873.
3. Екатерина II. Собственноручное черновое письмо Екатерины II к Вольтеру с похвалами его авторству; о турецкой войне, о нападениях Руссо на императрицу; анекдот о великодушии гр. А. Орлова; о женевских часах; о Таганроге и Петербурге (3 марта 1771 года) // Сборник Русского исторического общества. — 1874. — Т. 13. — С. 67–73.

4. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. — Л.: Наука, 1984.
5. Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века // Лотман Ю. М. Собр. соч. 2-е изд., испр. — М., 2000. — Т. 1: Русская литература и культура Просвещения. — С. 139–206.
6. Поляков Л. В. Закрытие Руссо, или О перспективах политического благоустройства России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12: Политические науки. — 1999. — № 6. — С. 21–35.
7. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. — М.: Наука, 1969.
8. Улыбышев А. Д. Сон // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. — СПб., 2005. — С. 170–175.
9. Antidote, ou Examen du mauvais livre ... intitulé: « Voyage en Sibirie fait ... en 1761 contenant les mœurs, les usages des Russes, & l'état actuel de cette puissance ... » Par M. l'abbé Chappe d'Auteroche. — Amsterdam, 1770.
10. Boiteux // Le grand vocabulaire françois. — Paris; Amsterdam, 1768. — Т. 4. — P. 141.
11. Boiteux // Dictionnaire de la langue française par Émile Littré. — Paris, 1873. — Т. 1. — P. 366.
12. Catherine II à Voltaire [env. septembre 1763] // Voltaire — Catherine II: Correspondance 1763–1778 / texte présenté et annoté par Alexandre Stroev. — Paris: Non lieu, 2006 — P. 40–41.
13. Chappe d'Auteroche. Voyage en Sibirie fait par ordre du Roi en 1761. — Paris, 1768. — Т. 1.
14. Kopanев N. A. Préface // Rousseau J.-J. Du Contrat social. Édition originale commentée par Voltaire. — Paris, 1998. — P. IX–XIV
15. Voltaire à François Pierre Pictet [4 juillet 1763] // Voltaire. Œuvres complètes. — Oxford, 1973. — Т. 110. — P. 297–298
16. Voltaire. Pierre le Grand et J.-J. Rousseau // Voltaire. Œuvres complètes / ed. Louis Moland. — Paris, 1879. — Т. 20. — P. 218–222.
17. Voltaire. Préface historique et critique // Voltaire. Œuvres complètes. — Oxford, 1999. — Т. 46. — P. 383–410.